

ДРЕНАЙ



# ДРЕНАЙ

ДЭВИД ГЕММЕЛ



ДРУСС-ЛЕГЕНДА



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.111-313.2  
ББК 84(4Вел)-44  
Г33

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

David Gemmell  
THE FIRST CHRONICLES OF DRUSS THE LEGEND

Перевод с английского *Н. Виленской*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств Varog International, Inc. и Nova Littera SIA.

**Геммел, Дэвид.**

Г33 Друсс-Легенда : [фантастический роман] / Дэвид Геммел; пер. с англ. Н. Виленской. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-101309-7

Когда-то, десятки лет и тысячи битв назад, он не был Легендой. Он был обычным человеком, счастливым своей честной работой и искренней любовью — добродушный здоровяк Друсс. Но однажды в дом лесоруба пришла беда. Работоторговцы похитили его невесту. И тогда сердце юноши ожесточилось, и мщение его заставило содрогнуться людей и богов. И стал он Легендой — Тем, от кого бежит сама Смерть...

УДК 821.111-313.2  
ББК 84(4Вел)-44

© David A. Gemmell, 1994

© Перевод. Н. Виленская, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Посвящаю эту книгу с любовью памяти  
Мика Джеффи, обыкновенного христианина  
бесконечной доброты и терпимости.  
Все знавшие его поистине благословенны.  
Доброй ночи, Мик, и благослови тебя Бог!*



# КНИГА ПЕРВАЯ

## РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

### ПРОЛОГ

---

Пригнувшись за придорожным кустарником, он всматривался темными глазами в камни, что были перед ним, и в деревья за камнями. В замшевой рубашке с кистями, в бурых кожаных штанах и сапогах он был почти невидим, стоя на коленях в тени деревьев.

Солнце стояло высоко на безоблачном летнем небе, а следам было никак не меньше трех часов. Букашки уже ползали по отпечаткам копыт, но края их еще не осыпались.

Сорок всадников, нагруженных добычей...

Шадак отполз от дороги к месту, где привязал коня, потрепал скакуна по длинной шее и снял с седла свой пояс. Перепоясавшись, он вынул из ножен оба коротких меча — обоюдоострые, из лучшей вагрийской стали. После краткого раздумья спрятал клинок и отцепил с седельной луки лук и колчан. Охотничий лук из вагрийского рога посылает двухфутовые стрелы на шестьдесят шагов. В колчане оленьей кожи лежало двадцать стрел, изготовленных самим Шадаком: гусиное оперение окрашено в красный и желтый цвета, железные наконечники без зазубрин — такие легко извлекать из тела. Он быстро натянул тетиву и наложил стрелу. Потом перекинул колчан через плечо и осторожно вернулся к дороге.

Оставили они прикрытие или нет? Вряд ли — дренайских солдат не сыщешь на пятьдесят миль в округе.

Но Шадак был предусмотрителен — притом он знал Коллана. Он напрягся, представив себе улыбчивое лицо с жестокими, насмешливыми глазами. «Не злись, — сказал он себе. — Как бы тяжело тебе ни было — сдержи гнев. В гневе люди совершают ошибки. Охотник должен быть холоден как сталь».

Он тихо двинулся вперед. Слева торчал громадный валун, справа — россыпь мелких камней не выше четырех футов. Шадак набрал в грудь воздуха и вышел из засады.

В тот же миг из-за валуна выступил человек с наставленным луком. Шадак припал на колени, и стрела просвистела над его головой. Стрелок хотел было отойти обратно за валун, но стрела Шадака вонзилась ему в горло, выйдя из затылка.

Справа на Шадака бросился второй. Времени достать новую стрелу не было, Шадак ударил его луком по лицу. Противник упал, Шадак, выхватив мечи, рубанул его по шее. И тогда навстречу ему вышли еще двое — в железных панцирях, кольчужных наголовниках и с саблями.

— Легкой смертью ты не умрешь, убудок! — крикнул один из них, высокий и плечистый, и сощурился, узнав своего противника. Задор сменился страхом — но воин был слишком близко, чтобы идти на попятный, и неуклюже взмахнул саблей. Шадак легко отразил удар, и его второй меч, войдя в рот врага, пробил шею насквозь. Другой воин, видя это, попятился.

— Клянусь, мы не знали, что это ты! — вскричал он. Руки его тряслись.

— Теперь знаете.

Воин без дальнейших разговоров бросился бежать в лес, а Шадак спрятал мечи и подобрал лук. Он оттянул тетиву, стрела запела и вонзилась беглецу в бедро. Тот с криком упал. Шадак подбежал к нему, и воин перевернулся на спину, бросив саблю.

— Сжался, не убивай меня! — взмолился он.

— А вы кого-нибудь пожалели в Кориалисе? Ну ладно: скажи, куда направился Коллан, и будешь жить.

Вдалеке завыл одинокий волк, к нему присоединились другие.

— В двадцати милях к юго-востоку есть деревня, — сказал раненый, не сводя глаз с короткого меча в руке Шадака. — Мы разведали — там много молодых женщин. Коллан и Хариб Ка хотят взять там рабынь и отвезти их в Машрапур.

— Ладно, верю, — помолчав, кивнул Шадак.

— Значит, ты не убьешь меня? Ты обещал, — заныл раненый.

— Я всегда держу слово, — с отвращением бросил Шадак и вырвал стрелу из ноги поверженного. Кровь хлынула из раны, воин застонал. Шадак вытер стрелу о его одежду, извлек еще одну из тела первого убитого и прошел к лошадям. Сев на одну из них, он взял под уздцы остальных вместе с собственным мерином и выехал на дорогу, ведя четырех коней за собой.

— А я? — крикнул раненый.

Шадак обернулся в седле:

— Попробуй отогнать волков. К сумеркам они почуют кровь как пить дать.

— Оставь мне коня! Во имя милосердия!

— Милосердие в числе моих достоинств не значит-ся, — сказал Шадак и поехал на юго-восток, к далеким горам.

## ГЛАВА 1

---

Топор имел четыре фута в длину, и широкое лезвие, острое, как меч, весило десять фунтов. Вязовому, красиво выгнутому топоричу было больше сорока лет.

Большинству мужчин он показался бы оружием тяжелым, неповоротливым, но темноволосый юноша, который рубил высоченный бук, играл им, как сабелькой. При каждом длинном взмахе топор бил именно туда, куда хотел лесоруб, врезаясь в ствол все глубже и глубже.

Друсс отступил и глянул вверх. Самые толстые ветви указывали на север. Он обошел вокруг дерева, окончательно решив, в какую сторону надо валить, и снова взялся за работу. За сегодняшний день он рубил уже третье дерево — мускулы у него ныли, голая спина блестела от пота. Пот пропитал коротко остриженные черные волосы, пот щипал холодные голубые глаза, во рту пересохло, но Друсс решил довести дело до конца, а уж потом позволить себе напиться.

Слева от него на поваленном дереве два брата, Пилан и Йорат, смеялись и болтали, отложив свои топоры. Их задачей было обрубать ветки, которые пойдут потом на дрова, но они то и дело останавливались, чтобы оценить достоинства и мнимые пороки деревенских девушек. Сыновья кузнеца Тетрина — красивые парни, высокие и белокурые. Ума и острология им тоже не занимать, и девушкам они нравились. А вот Друсс их не любил.

Справа мальчишки-подростки пилили сучья первого поваленного им дерева, девочки собирали сушняк, и все это грузилось на тачки, чтобы отвезти потом в деревню.

На краю новой просеки паслись, спутанные, четыре ездовые лошади — они потащат в деревню обмотанные цепями стволы. Осень на исходе, а старейшины порешили еще до зимы поставить вокруг селения новый частокол. В пограничных горах Скодии всего один дренайский эскадрон на тысячу миль, а вокруг так и кишат всякие лихие люди, разбойники и скотокрады, и государственный совет в Дренане ясно дал понять, что за новых поселенцев на вагрийской границе не отвечает.

Но опасности пограничной жизни не обескураживали мужчин и женщин, переселившихся в Скодию. Они ис-

кали новой жизни вдали от густонаселенного востока и юга и ставили свои дома на вольной дикой земле, где не надо ломать шапку, когда проезжает дворянин.

Свобода — вот главное, и никакими рассказами о разбойниках их не запугать.

Друсс вскинул топор и снова вогнал его в щель. Он ударил еще десять раз, врубаясь в ствол, потом еще десять, потом еще три. Дерево застонало и закачалось.

Друсс отступил назад, глядя в сторону, куда оно собиралось рухнуть, и вдруг увидел под кустом золотоволосую девчушку с тряпичной куклой в руках.

— Кирис! — взревел он. — Если ты не уберешься отсюда, когда я досчитаю до трех, я тебе ногу оторву и отколочу тебя ею до смерти! Раз! Два!

Девочка, широко раскрыв глаза и рот, бросила куклу, выбралась из кустов и с плачем убежала в лес. Друсс покачал головой, подобрал куклу, заткнул за свой широкий пояс. Он чувствовал на себе чужие взоры и догадывался, что люди думают о нем: Друсс, мол, скотина, грубиян. Может, они и правы.

Ни на кого не глядя, он вернулся к подрубленному дереву и поднял топор. Не далее как две недели назад он рубил такой же высокий бук, и его отозвали, когда он уже почти завершил работу. Вернувшись, он увидел на верхних ветвях Кирис с ее неразлучной куклой.

«Слезай, — крикнул он. — Дерево вот-вот упадет».

«Нет, — ответила Кирис. — Нам тут хорошо. Далеко видно».

Друсс поглядел вокруг, ища глазами кого-нибудь из девушек, — но их не было ни одной. В стволе зияла глубокая трещина — стоит подуть сильному ветру, и дерево рухнет.

«Ну слезай же, будь умницей. Ты ушибешься, если дерево упадет».

«Почему упадет?»

«Потому что я подрубил его топором. Слезай».

«Ладно», — сказала она и стала слезать, но дерево вдруг накренилось, и Кирис с криком вцепилась в ветку. У Друсса пересохло во рту.

«Давай быстрее», — велел он, но Кирис не тронулась с места. Выругавшись, он подтянулся к первой ветви и с бесконечной осторожностью полез к девочке. Добравшись до нее, он велел: «Обними меня за шею». Она послушалась, и он стал спускаться с нею вниз.

На полпути к земле дерево согнулось и затрещало. Друсс прыгнул, прижимая к себе ребенка, и ударился левым плечом о мягкую землю. Кирис не пострадала, но Друсс поднялся на ноги со стоном.

«Ты ушибся?» — спросила Кирис. Друсс впился в нее своими светлыми глазами. «Если еще раз поймаю тебя на вырубке, отдам волкам, так и знай! — гаркнул он. — А теперь убирайся!» Она прыснула прочь так, словно ей пятки жгли.

Усмехнувшись при этом воспоминании, Друсс вогнал топор в разрубленный ствол. По лесу прокатился надрывный стон, заглушивший перестук топориков и пение пил.

Дерево накренилось и рухнуло. Друсс пошел к меху с водой, висевшему на ветке поблизости: падение дерева послужило сигналом к полуденной трапезе. Молодежь стала собираться в кучки, смеясь и перешучиваясь, но к Друссу не подошел никто. Его недавняя стычка с бывшим солдатом Аларинном напугала всех, и на Друсса стали смотреть еще более косо, чем прежде. Он сидел один, жуя свой хлеб с сыром и запивая обед холодной водой.

Пилан и Йорат сидели с Берис и Таилией, дочками мельника. Девушки улыбались, наклоняли головки и кокетничали вовсю. Йорат, придвинувшись к Таилии, чмокнул ее в ухо. Она притворилась рассерженной.

Однако они мигом прервали свои игры, когда на вырубке появился мужчина — высокий, с мощными плечами и глазами цвета зимних туч. Друсс при виде отца встал.

— Одевайся и ступай за мной, — велел Бресс, отходя за деревья.

Друсс надел рубашку и последовал за отцом. Удалившись туда, где никто не мог их слышать, они сели рядом на берегу быстрого ручья.

— Ты должен учиться сдерживать себя, сын, — сказал Бресс. — Ты чуть не убил этого человека.

— Да я его всего только раз ударил.

— Этим ударом ты сломал ему челюсть и выбил три зуба.

— Старейшины уже решили, какой штраф назначить?

— Да. Я должен содержать Аларина с семьей всю зиму, а я вряд ли могу себе это позволить.

— Он пренебрежительно говорил о Ровене, а этого я терпеть не намерен никогда.

Бресс вздохнул полной грудью и бросил камешек в ручей.

— Друсс, нас здесь знают как хороших работников, как односельчан — и только. Мы проделали долгий путь, чтобы избавиться от славы, которой мой отец запятнал наш род. Помни же урок, который преподавал он нам своей жизнью. Он не умел справляться с собой — и стал изгоем, кровожадным убийцей. Яблочко, говорят, от яблони недалеко падает — надеюсь, что в нашем случае это не оправдается.

— Я не убийца, — запротестовал Друсс. — Если б я хотел его смерти, я бы тем же ударом сломал ему шею.

— Я знаю. Силой ты пошел в меня — а гордостью, пожалуй, в мать, мир ее душе. Одни боги знают, сколько раз мне приходилось проглатывать свою гордость. — Бресс потянул себя за бороду и повернулся к сыну: — У нас тут маленькая община, и мы не должны применять насилие друг к другу, иначе нам не выжить. Понимаешь ты это или нет?

— Что тебе велено передать мне?

— Ты должен помириться с Аларинном, — вздохнул Бресс. — И знай: если ты нападешь еще на кого-нибудь из деревенских, тебя прогонят вон.

— Я работаю побольше всякого иного, — потемнел Друсс. — Никому не доставляю хлопот. Я не пью, как Пилан и Йорат, и не порчу девок, как их папаша. Я не ворую, не лгу — а меня грозятся выгнать вон?

— Ты пугаешь их, Друсс, — да и меня тоже.

— Я не такой, как дед. Я не убийца.

— Я надеялся, что Ровена с ее добротой поможет тебе утихомириться, — вздохнул Бресс. — Но на следующее же утро после свадьбы ты до полусмерти избил односельчанина. И за что? Не говори мне о пренебрежительных словах. Он только и сказал, что ты счастливчик и он сам бы с удовольствием лег с ней в постель. Праведные боги, сын! Если ты всякому будешь ломать кости за лестное слово о твоей жене, скоро в этой деревне некому станет работать.

— Ничего лестного в его словах не было. Я умею владеть собой, но Аларин — просто хам и получил как раз то, что заслужил.

— Надеюсь, ты все-таки примешь во внимание то, что я сказал. — Бресс встал и выпрямил спину. — Я знаю, ко мне ты почтения не питаешь, но подумай, что будет с Ровеной, если вас обоих прогонят из деревни.

Друсс с досадой взглянул на отца. На вид Бресс великан, сильнее всех известных Друссу мужчин, а духом смирен, как ягненок.

— Я буду помнить. — Друсс тоже встал.

Бресс устало улыбнулся ему:

— Мне надо обратно к частоколу. Дня через три мы его достроим и будем спать спокойнее.

— В дереве недостатка не будет, — пообещал Друсс.

— Должен сказать, лесоруб ты отменный. — Бресс отошел на несколько шагов и обернулся: — Если тебя все-таки решат изгнать, сынок, один ты не останешься — я уйду с тобой.

Друсс кивнул.

— До этого не дойдет. Я уже обещал Ровене исправиться.

— Ох и разозлилась же она небось, — усмехнулся Бресс.

— Хуже. Она во мне разочаровалась, — хмыкнул в ответ Друсс. — А разочарование молодой жены страшнее укуса змеи.

— Ты бы почаще улыбался, сынок. Тебе это к лицу.

Но с уходом отца улыбка померкла на лице Друсса. Он взглянул на свои ободранные костяшки и вспомнил, что испытал, когда ударил Аларина. Гнев и неистовую жажду битвы. А когда Аларин упал, Друсс ощутил нечто мимолетное, но необычайно сильное.

Радость. Чистейшую радость, столь острую, что подобной ей не знал еще никогда. Он закрыл глаза, стараясь отогнать от себя это воспоминание.

— Я не такой, как дед, — сказал он себе. — Я не безумен.

Эти же слова он говорил минувшей ночью Ровене в широкой кровати, сделанной Брессом к их свадьбе.

Она перевернулась на живот, приникла к его груди, и ее длинные волосы, точно шелк, легли на его могучее плечо.

«Ну конечно же, ты не безумен, любимый. Ты один из самых добрых людей, которых я знаю». «Люди видят меня другим», — сказал он, глядя ее волосы. «Я знаю. Не надо было тебе ломать Аларину челюсть. Мало ли что он там сказал и что при этом думал. Слова — пустой звук». Друсс отстранил ее и сел: «Не так все просто, Ровена. Этот человек давно уже меня изводит. Он сам напрашивался на драку, потому что хотел меня унижить. Но ему это не удалось — и никому не удастся. — Ровена вздрогнула. — Тебе холодно?» — спросил он, привлекая ее к себе. «Побратим Смерти», — прошептала она. «Что-что?» Ее веки затрепетали, и она с улыбкой поцеловала его